

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ КИНО

ЛЕТ десять назад критика дружно заговорила о «возвращении Маргариты Тереховой». Конечно, можно найти в этом суждении элемент журналистской броскости, стремящейся процесс выдать за результат, но тенденция, кажется, была уловлена верно. В самом деле, разве можно было забыть романтический и грустный фильм «Здравствуй, это я», в котором Маргарита Терехова сыграла главную роль с неизъяснимым трепетом и страстью, нежностью и саднящей горечью!.. И разве можно было закрыть глаза на то, что пауза после такого пронзительного дебюта непростительно затянулась!..

Нет, роли, конечно, были, но они зачастую не содержали той смятенной духовности, что была ранее явлена, кажется, в самом уже облике актрисы. Но, видимо, и эти роли не прошли даром, потому что вскоре произошел своеобразный качественный «взрыв», который позволил заговорить о возвращении Тереховой к работам глубоким и зрелым, остро резонирующим с нравственными потрясениями времени. «Белорусский вокзал» и «Монолог», «Зеркало» и «Моя жизнь», «Собака на сене» и «Благочестивая Марта». Это был ослепительный каскад актерского мастерства — умного, яркого, пленительного.

Казалось, что так будет долго, но последние годы Терехова снова как бы исчезла с экрана, отступила в тень, предоставив место другим. И можно было бы только посотевать на превратности актерской судьбы, если бы... Если бы фамилия Маргариты Тереховой не появилась снова сразу в нескольких фильмах...

— Значит, еще одно возвращение!

— Строго говоря, я нигде и не исчезала. Ни в первый, ни во второй раз. После фильма «Здравствуй, это я», воспоминания о котором согревают мне душу, пришло время осмотреться в жизни, разобраться в себе да и попросту накопить силенок. Ведь я играла в той картине свою ровесницу, это был практически слепок с моего собственного характера, а если думать о профессии серьезно, то самотиражированием заниматься опасно.

Мне повезло в эти годы — я росла в замечательном театре, репетировала, дышала одним воздухом с замечательными актерами. Я постигала азы профессии, а на сцене еще играли Николай Мордвинов и Любовь Орлова; моими первыми партнерами были Ростислав Плятт и Серафима Бирман. И сегодня в театре еще владычествует, царит Фаина Георгиевна Раневская — актриса, равной которой я не знаю в нашем искусстве. Если у меня в кино со временем что-то стало получаться, то это благодаря театру, его таинственной силе заряжать актера вдохновением и надеждой.

Ну, а что касается моего вторичного «исчезновения» и «возвращения», то здесь все обстоит довольно просто. Около двух лет назад у меня родился сын, и, естественно, на время от работы пришлось отойти. Еще и сейчас, выбирая роль, прикидываю, смогу ли взять его на съемку. Это обстоятельство часто решает выбор. Вот и для участия в белорусской картине «Давай поженимся», которая идет сейчас на экранах, я приехала в Минск вместе с сыном, делила время между ним и съемками. Это, конечно, сильно осложняло работу, но, с другой стороны, кажется, привносило в нее и новые краски. Ведь фильм наш — о поисках счастья, о вечной потребности женщины любить, быть любимой, воспитывать ребенка...

— Итак, старая, как мир, история — «она его любила, и он ее любил». На память сразу же приходят Ромео и Джульетта, Тристан и Изольда, Орфей и Эвридика — целая галерея влюбленных всех времен. Что побудило вас в тысячу первый раз обратиться к этой теме?

— Вы умудрились таким образом задать вопрос, что на него невозможно ответить, — смеясь, говорит Маргарита Борисовна. — Но попробую... И если быть краткой, то потому и обратилась к этой теме, что она — вечная, а значит, волнующая людей во все времена.

Так уж сложилась моя творческая судьба, что о любви, о ее таинственной непознанной силе мне приходится рассказывать почти в каждом фильме. Казалось бы, куда деваться от повторения? Процесс зарождения любви, ожидание взаимности, уколы ревности, внезапные ссоры, радостные примирения — редко какой сюжет обходится без этих градаций чувства. И все же ни одна «ис-

тория любви» не похожа на другую, у каждой — свои тайны, свои необъяснимые причуды. Любовь — это высший взлет духовности, и, скажем, «воздушная» Фрези Грант («Бегущая по волнам») реализуется в своем чувстве иначе, нежели земная, «грешная» Мэрион Леско из одноименного телефильма, а благочестивая Марта ищет счастье иначе, нежели чеховская Маша Должикова («Моя жизнь»).

Возвращаясь же к фильму «Давай поженимся», надо сказать, что автор сценария А. Горохов и режиссер А. Ефремов постарались вечный сюжет переосмыслить по-своему. Ведь моя героиня Елена Воронова давно уже вышла из возраста Джульетты, а ее избранник — тоже не Ромео. Ей под сорок, ему и того больше. Легко ли начинать новую жизнь с грузом прошлого, в котором были неудачи, разочарования, долгие годы одиночества? Не знаю, как это получается на экране, но мы стремились вечный сюжет пронести токами современной жизни, чтобы в нем ощущались отголоски горячих газетных дискуссий...

— На сцене и на экране вы часто играете — причем параллельно — классику и современный репертуар. В вашем творчестве уживаются гордые аристократки, принадлежащие прошлым векам, — и женщины из сегодняшней толпы. Легко ли вам даются такие перебросы из минувшего в настоящее? Из кого вы играете в экранизации классики — женщин «того» времени или же своих современниц, по прихоти костюмеров обряженных в батист и кринолины?

— Сначала о разноплановости ролей... Удивительно тут не чему. Это совершенно естественное актерское желание — попробовать себя в новом качестве. Женский характер — это вечная «terra incognita» в искусстве, целый материк, который до конца так и не будет никогда исследован. Я совершенно убеждена, что при нашей нестабильности бытия, при мировом беспокойстве, при бешеных ритмах, когда и перевести дыхание не удается, — на женщинах, которые ро-

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

ВОЗВРАЩЕНИЕ
НАВСЕГДА

НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ВЕДЕТ БЕСЕДУ
С АКТРИСОЙ ТЕАТРА И КИНО
ЗАСЛУЖЕННОЙ АРТИСТКОЙ РСФСР
МАРГАРИТОЙ ТЕРЕХОВОЙ

жают и воспитывают детей, как и тысячи лет назад, — на женщинах сегодня поистине держится мир. В женском характере есть много постоянного, неизменного. И все же, когда он выявляется в разных ситуациях, эпохах, социальных обстоятельствах, — тогда ты можешь понять что-то большее в себе самой и это свое новое знание потом подарить людям.

Я люблю играть классику (кто из актеров этого не любит?), хотя, к слову сказать, она не всегда достойно экранизируется. Думаю, происходит это от того, что относятся к ней нередко как к чему-то неживому, застывшему. И тогда на экране все получается пресно, ходульно, картонно... А ведь смотрят спектакли и фильмы современные зрители, им интересны сегодняшние проблемы и сегодняшние чувства. Да и мы, актеры, как бы ни старались представить себя в веке минувшем, как бы добросовестно ни погружались в его «ауру», — мы всегда остаемся заложниками своего времени и отвечаем его сиюминутным вибрациям.

Время от времени приходится слышать, что то или иное классическое произведение в интересном прочтении как бы открывается какой-то новой своей гранью. Что это значит? Есть люди, которые видели в спектакле «Собака на сене» знаменитую, непревзойденную М. Бабанову. Она была легендарной исполнительницей роли Дианы, трактуя ее в романтическом ключе. Но нельзя — да и не нужно! — входить в одну реку дважды. И вовсе не соревнуясь с Бабановой (я не видела ее в роли Дианы, иначе просто не смогла бы играть), мы все в съемочной группе

стремились заразить зрителей раскованностью, живостью, сегодняшней человечностью...

— Вот вы говорите: «живое прочтение классики». А что это обозначает на деле? Как подбираются ключи к этому драгоценному ларцу, дошедшему до нас из прошлых веков?

— Как подбираются?.. Ну вот вам пример. Помните сцену, когда в «Собаке на сене» Диана дает пощечину Теодоро, которого играл Михаил Боярский. Режиссер сначала предложил, чтобы я ударила своего партнера не всерьез, а слегка, ведь все-таки Диана — врожденная аристократка, и занимается рукоприкладством ей вроде бы не пристало... Но на съемочной площадке непроизвольно все получилось наоборот. Я поняла, почувствовала, что в эти минуты в моей героине говорит не аристократка, а обыкновенная женщина, уязвленная в самое сердце неблагодарностью возлюбленного!

Как отреагировал на эту оплеуху Михаил Боярский? Бедняга... его, оказывается, никогда в жизни не били по щекам, и он чуть не расплакался в кадре. Но в следующую секунду, с окровавленной губой, он, вернее, его Теодоро, бросился к моей героине, преисполненный раскаяния, нежности и заботы. Ибо в это мгновение он перестал быть корыстолюбцем, расчетливым дельцом, а почувствовал себя рыцарем.

Эта сцена получилась несколько иной, нежели у Лопе де Вега, и ревнители точных экранизаций могут нас упрекнуть в отступлении от первоисточника, но, возможно, именно здесь произошел один из внезапных эмоциональных разрядов, сомкнувших в единую цепь переживания героев трехвековой давности с нравственным самочувствием сегодняшних людей.

Вот так, от сцены к сцене, от реплики к реплике мы пробились через экзотический антураж XVI века, через костюмы с кружевами, через стихи, которыми ныне никто не интересуется, — к тому живому, нетленному, что было в пьесе и что могло сегодня согреть человеческие сердца.

Но, впрочем, наверное, пора уже отвлечься от конкретного фильма и попытаться подвести некоторые итоги нашей беседы. Искать современное, сиюминутное в вечном — в сегодняшнем, злободневном — такая рабочая формула актерского поиска, который не прекращается ни в одной роли, ни на одну минуту.

БЕСЕДА подходит к концу, Маргарита Борисовна смотрит на часы. Небольшое «окошко» перед отправлением самолета оказалось заполненным. Актриса живет в постоянном цейтноте — ее ждут в театре имени Моссовета, на сцену которого она выходит почти двадцать лет, ее ждут на киностудиях страны и на телевидении. И, наконец, ее ждут зрители, из сердец которых она не исчезает никогда, даже если на время сходит с экрана...

Л. ПАВЛЮЧИК,
спец. корр. «Знамени юности».
Фото В. ШУБЫ.